

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Анастасия Гор
Сказания о ёкаях

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гор А.

Сказания о ёкаях / А. Гор — «Эксмо», 2026 — (Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-246804-9

Почти год прошел с тех пор, как Кёко Хакуро стала ученицей Великого Странника. Ее обучение продолжается, но путешествие приводит их к существам гораздо страшнее мононоке. Пока в веселом квартале Киото клиенты одного из домов расплачиваются за любовь жизнью, в далекой деревне ёкаев готовится вознесение нового бога. Кёко и Страннику предстоит изгнать неуспокоенных духов, а еще как-то поймать таинственного юношу в маске черного лиса. Ведь незнакомец не только выдает себя за Странника, но и кое-что у него крадет... Продолжение цикла Анастасии Гор – автора трилогии «Ковен озера Шамплейн», дилогии «Рубиновый лес» и однотомников «Самайнтаун» и «2:36 по Аляске». К Кёко и Страннику присоединится новый герой – очаровательный разбойник Соя, способный не только запасть в сердце, но и украсть его. Героям предстоит разобраться с мононоке в квартале удовольствий Киото, навестить ёкаев в закрытой деревне, в которой все свадьбы заканчиваются трагедией, и застать пробуждение чего-то очень кровавого, древнего и зловещего. Больше мононоке и ёкаев, яркий японский колорит, немного китайских легенд, ритуальные жертвоприношения, атмосфера аниме «Монолог фармацевта», прошлое Дикого лиса, скрывающее страшные тайны, и хяку моногатари кайданкай – старинная салонная игра «Сто страшных историй в темноте». Красочные иллюстрации от nagu. Долгожданное развитие романтической линии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246804-9

© Гор А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Сказание четвёртое. Убийства в весёлом квартале Симабара	8
I	9
II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Гор Сказания о ёкаях

Красочные иллюстрации *hagi*

* * *

© Гор А., текст, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Сказание четвёртое. Убийства в весёлом квартале Симабара

С тех пор как в весёлом квартале Симабаре зажглись первые огни, хотя бы один фонарь где-нибудь на здешних улицах да горел. Красный, золотой, розовый или медовый, но не случилось такого, чтобы в комнату с окнами не проникал луч пёстрого света и чтобы было настолько темно, что ничего не увидеть за шёлковой ширмой.

Должно быть, от чего-то другого тот бокка¹ был слеп. Возможно, от голода, потому что за целый год не тратил на себя ни монеты. Носил по домам рис, рыбу и вино, но ни к чему из этого не прикасался. Спал на соломенной циновке, чтобы однажды заснуть и проснуться на бархате; считал жалованье по ночам, перекладывая медные монеты из руки в руку, чтобы однажды перебирать в них нежные изящные пальчики, не пробовавшие тяжёлой работы. Он знал, сколько стоит одно свидание. Знал, как мало свечей догорит к тому моменту, как оно кончится, и сколько жизней ещё придётся работать, чтобы его повторить.

Однако когда наступил заветный вечер и бокка без всяких сожалений расстался с накопленным, за ширмой его ждало что-то другое.

Бокка ему поклонился. Оно поклонилось в ответ.

Бокка увидел цветы. Оно подарило ему несколько своих лепестков.

Бокка остался в темноте. Впервые все фонари Симабары разом погасли.

На заднем дворе дома, что воспевают любовь, из-под снега пробились цветы, которые обычно цветут на надгробиях. Слуги их тут же вырвали с корнем, фонари снова зажгли, а лепестки подмели и убрали. О том, что здесь поселилась другая богиня, которая не поёт и не играет на биве, – смолчали.

А следующим после бокки был юный влюблённый поэт, и красные цветы на заднем дворе проклюнулись вновь.

---

¹ Бокка – носильщики и доставщики припасов в отдалённые места.

I

Сами боги не хотели, чтобы Кёко Хакуро становилась экзорцистом.

Однако следующий год её начался именно так, как начинался у большинства представителей сего ремесла: с погони за мононоке, сбежавшим посередине ритуала изгнания.

А над городом Киото, хорошо припудренным снегом, в это время распускались ханаби – дивной красоты цветы из пёстрых огненных искр, посеянных взрывами летящего пороха². Маленькая и скромная Камиура не знала столь шумных празднеств, и оттого у Кёко, которая провела там всю свою юность, поначалу трещала голова с непривычки, а от каждого выстрела кололо где-то в подреберье. Теперь же этот грохот и ей, и Страннику благоволил: за ним не был слышен рёв, с которым нёсся по крышам охваченный безумием неупокоенный дух. Чёрное хаори реяло в расцветающей ночи, образовывало вдалеке тонкий человеческий силуэт. Взмахивая рукавами, он тем самым дразнил: «Попробуй угнаться!» Кёко боялась, что как бы одеяние духа – вернее, сам дух – не загорелось от реющих вокруг пламенных снопов, сквозь которые они летели, перескакивая с дома на дом, с козырька на козырёк через жилые кварталы.

– Чтоб тебя! – выругалась вконец запыхавшаяся Кёко, хотя не пристало выражаться в первый день года, если, конечно, не хочешь накликать беду на весь оставшийся.

Но кто станет её судить? Холёные горожане только-только выползали из своих тёплых домов, чтобы обменяться с соседями добрыми пожеланиями и горшочками со сладким печёным картофелем. Это не они морозили разутые ступни о покрытую инеем кровлю, глотали колючий мороз, от которого не спасала даже подбитая ватой накидка, и рисковали подхватить лихорадку, лишь бы не допустить беду самую что ни на есть настоящую, страшную, даже скорее трагедию. Ту, что случится, если мононоке улизнёт и унесёт вместе с собой похищенную душу, которую завернул в себя, как в кокон, – и считай, что запер.

– Смотри, мама! Кто это там? На верхушке дома, где мы покупаем рисовые булочки!

– Это же не... люди?!

Кёко снова поскользнулась и чуть не скатилась с покатою крыши ларька, торгующего дагаси³, когда прямо перед ней из небольшого закоулка взвилась пламенно-пурпурная стрела и грохотнула. Кёко отпрянула резко, ноги её, заледеневшие, разъехались, и погоня, которую уже мало-помалу стали замечать любопытные горожане, едва не завершилась раньше срока.

И всё-таки Кёко удержалась на самом краю. Присела, сделала глубокий вдох, чтобы расправить скукожившиеся от нехватки воздуха лёгкие, и перепрыгнула через закоулок и распустившиеся в нём пламенные цветы, порвав его лепестки на части. Даже поранив о черепицу пятку, она всё мчалась дальше, через половину Киото от лавки погребальных дел мастера, где они со Странником мононоке и встретили.

Как ядовитая змея, пригревшаяся на нагретом камне, проклятое хаори прибыло туда на теле одной из жертв, доставленном на куске колотого льда для подготовки к похоронам. Кёко ещё долго не сможет забыть ужас на лице ноканси⁴, когда он, заикаясь, сообщил, что именно в этом хаори похоронил уже семь юных девушек подряд и вот-вот собирается схоронить восьмую. Конечно, Кёко со Странником сразу догадались, что за ней непременно последует девятая, а значит, изгнание нужно провести как можно скорее. Чего они не ожидали, так это того, что подлое одеяние прознает про их планы и сможет их опередить.

---

² Речь идёт о фейерверках, которые впервые появились в Японии ещё в XVII веке и носили названия «ханаби», что буквально переводится как «цветок огня».

³ Дагаси – дешёвые сладости и конфеты, обычно из крахмала или зерна.

⁴ Ноканси – ритуальный гробовщик.

Так же, как Кёко не забудет лицо ноканси, она не забудет его протяжный вопль «*Моя дочь!*», когда та, околдованная злым очарованием хаори, сняла его с покойной, надела на себя и, провив что-то о возлюбленном, упала навзничь.

Кёко никогда не винила Странника ни в каких оплошностях – было достаточно того, что он сам себя за них бранит. Жестоко и так бессердечно, что ей каждый раз невольно хотелось защитить его перед ним же. Будто, прожив четыреста с лишним лет (если Кёко верно посчитала по его рассказам), он не имел права на ошибку и обязательно должен был знать всё и обо всём на свете. Даже о том, что в тансу спрячется шкодливая, любопытная девчонка, для которой слова «Никому сюда нельзя входить!» звучат как приглашение, а защитные офуда – просто-напросто бумажки и – пф! – ничего не стоят. Почему бы не сорвать?

Теперь в той комнате, где прежде лежал труп, и лежала проклятая дочь ноканси. Лишь талисманы – эти самые глупые бумажки – не давали её телу окончательно остыть, а душе, украденной хаори, – позабыть к нему дорогу, пока Кёко со Странником и то и другое не вернут обратно.

«Цукумогами – опаснейшая форма мононоке», – говорил Кёко её дед, но она бы добавила к этому ещё «И наипротивнейшая!». Непредсказуемая, подлая, совершенно беспринципная, будто вместе смешалось всё дурное, что только бывает в людях. Самое скверное сочетание всех неприятных и потусторонних черт.

«Ещё и такое быстрое... Ах, снова удирает!»

Пожалуй, в следующий раз ей стоит поменяться со Странником местами. Вместо того чтобы бегать кругами за зловредной одеждой, она бы тоже предпочла ходить по домам, расспрашивать о прошлых инцидентах и пытаться узнать Первопричину – последнее, что им осталось из трёх компонентов для обряда. Пока Странник наверняка стучался в очередную дверь и старался казаться милым – конечно, ничуть не суетясь, чтобы не испортить свой любезный образ, – она играла с мононоке в догонялки. И уже израсходовала почти все свои талисманы, чтобы понемногу гнать его туда, куда нужно не ему, а ей. Вещь ведь, может, и с самосознанием, но с интеллектом не шибко выдающимся. Хаори, наверное, даже не заметило, что совершило крюк – убежало от погребальной лавки и вернулось к ней.

«Где же его носит?!»

Она клялась Страннику больше не танцевать – не пробовать упокоить мононоке самостоятельно. И собиралась эту клятву до последнего держать. Не столько ради себя и своего ки – коего, по словам Странника, ни у одного живого человека не было достаточно для подобного искусства, – сколько ради него самого. Чтобы он сам духов изгонял. Чтобы он, упокоив зло, заслужил себе ещё одну красную метку в лозах кумадори⁵, а вместе с ней – ещё одно прощение, которое приблизит его к заветной свободе от проклятия.

Двадцать один. Ему остался двадцать один мононоке. Кёко за его списком следила, как за своим собственным, каждого считала.

И собиралась сегодня округлить это число.

– *Как вода по зиме, как воск на затухшей свече,* – начала она срывающимся шёпотом, что обращался на морозе в клубы пара. – *Как звёзды на небе по велению богов.* Замри!

Сколько бы ни упражнялась, а всё равно не могла призывать талисманы мысленно. Но, по крайней мере, теперь Кёко их даже не касалась.

Она вскинула руку, будто пытаясь схватиться за очередную огненно-рыжую хризантему, с грохотом зашипевшую над зубцами крепостных башен. Последняя оставшаяся у неё бумажная лента сама сорвалась с пояса и устремилась вперёд. К этому моменту пальцы на ногах у Кёко уже были синими-синими, а волосы побелели от кружащегося снега, будто она и вправду была юки-онной, которой её дразнили в детстве, – зимним духом, забавы ради обрядившимся

---

⁵ Кумадори – разновидность макияжа актёров театра кабуки. Именно кумадори нарисован на лице Странника.

в оммёдзи. Одежда Кёко была яркой, красно-жёлтой, как фейерверки, продолжающие пачкать безупречно чёрный небосвод Киото. Она почти слилась с ними и благодаря тому всё же настигла мононоке.

Теперь, когда по истечении одной минуты спадут наложенные офуда чары, ей предстояло драться.

Всячески придумывая, как это делать, по-прежнему имея вместо меча лишь его осколки, она не придавала значения тому, что чёрное хаори остановилось слишком быстро, на секунду раньше, чем к его спине приклеился офуда. Зато во вспышках очередных ханаби Кёко разглядела узор из водяных мельниц, вышитый на матовом крепе. Его мягкий рукав почти коснулся её рукава, а сама Кёко – мононоке... Прежде чем нечто пушистое и огромное скатилось откуда-то валуном, сбilo её с ног и снесло вниз с крыши.

– Мио!

Кёко визжала и ругалась, даже когда летела кубарем. Очевидно, хранительница Высочайшего ларца императрицы кошек никак не могла расстаться со старой привычкой ронять Кёко с высоты. Мало того, что Кёко смела собой с крыши весь снег, расцарапала щёку о черепицу и опозорилась на глазах у поднявших головы на крик людей, так Мио ещё и разодрала ей весь бок когтями! Не будь кимоно зачарованным, покрытым сверху нитями храмовых шелкопрядов, его бы после такого пришлось нести к швее. А вот утеплённой зимней накидке повезло меньше: ткань с треском порвалась. Каким-то образом в полёте Кёко очутилась не под Мио, а верхом на ней, и даже не поняла, как именно. Наверное, лишь благодаря этому Кёко, сорвавшись с высоты в семь-восемь кэн⁶, и не свернула себе шею. Звериная шерсть смягчила падение, и Кёко, соскользнув с холки Мио в сугроб, с удивлением обнаружила, что даже почти не ушиблась.

– Зачем ты это сделала?!

– Слепая, что ли?! – прорычала Мио из-под чёрных лап, которыми прикрывала обагрённую и здоровенную, как у медведя, морду. Кёко так растерялась при виде её разбитого блестящего носа, из которого на снежную дорожку хлестала кровь, что даже забыла огрызнуться и напомнить про свой незрячий глаз. – Приглядиись, что там наверху за спиной у мононоке! Посмотри, куда ты летела, дура!

«К смерти своей», – осознала Кёко сразу же, как задрала голову, прищурилась и позади развевающегося чёрного хаори, замершего в воздухе из-за чар, различила длинные и острые *колья*. Недостроенный магазин керамики, обещавший своей вывеской скорое открытие и лучшие изделия, выполненные в технике кутани, оброс ими, как зубами. То было основание крыши, а заодно и возможная могила Кёко, кинься она на зыбкое, тонкое хаори, которое было не чем иным, как покрывалом для ловушки. Хаори бы порвалось, но выжило, а вот Кёко... Кёко – нет. Она любила пашлычки-кушияки, которые жарили на рынке Нишики, но теперь, представив в таком же виде себя, сомневалась, что сможет их есть.

– Ты должна была сопровождать Странника, – выдавила Кёко вместо благодарности, отряхиваясь от снега и жутких фантазий.

– Я ничего ни тебе, ни ему не должна.

От резкого тона Мио слово «*Спасибо*» окончательно застряло у Кёко в горле и опустилось обратно вниз, туда, где скопился морозный воздух, которого она наглotalась за время погони. Несмотря на то что время уместнее было бы назвать «ранним утром», нежели «поздней ночью», фейерверки всё ещё не закончились. Горький дым тянулся от земли к искрящимся над городом цветам, как стебли, и за рыжими, изумрудными, синими лепестками было уже не видно звёзд. За громовыми раскатами и треском, с которым они распускались, было легко не расслышать предупреждающий звон бронзовых бубенцов на поясе. Когда Мио выбралась

---

⁶ Кэн – мера длины, равная примерно 1,8 метра.

из сугроба, обтёрла морду о снег и, оскалившись, приняла вид устрашающий и яростный под стать кайбё, мононоке на крыше стройки уже не было.

– Там! – указала Кёко на навес, из-под которого на них, обняв друг друга, испуганно глазели люди и где вместе с ними спряталось что-то ещё, что оказалось вовсе не таким уж безмозглым, как считала Кёко.

– Осторожнее! – закричала Мио.

Хаори вынырнуло из-за визжащей, разбегающейся толпы. Пускай и мягкое, надетое на эфемерный женский силуэт, оно так резко ринулось на них, что стоявшая у него на пути телега разлетелась в щепки. Кёко едва успела отскочить. Мононоке издал звук, до неприличного похожий на звонкий девичий хохот. Он смеялся и прежде, почти всё время, что бежал от неё. Кёко уже становилось плохо от этого смеха, тот тревожил бубенцы на шнурках вокруг её талии так, что ещё немного, и те бы лопнули. Но ещё хуже Кёко было из-за Мио: та снова мешалась, вцепилась зубами в уцелевший край её накидки и дёрнула назад. Хаори промчалось мимо, узорчатые рукава, подобно лезвиям, со свистом рассекли воздух там, где Кёко стояла мгновением раньше. Она растерянно прижала руку к шее, почувствовала на ней капли и поняла: не сдвинь её Мио с места, сейчас она лежала бы на снегу с перерезанным горлом.

«Ненавижу, когда те, кто меня защищает, делают это не зря!»

– Мои огоньки!

Хуже места для сражения с мононоке, чем улица в центре Киото в разгар трёхдневных праздников, сложно было вообразить. Кёко успела подхватить и унести ребёнка, когда хаори продолжило бушевать и снесло опоры аптекарской лавки, от чего всё здание накренилось и посыпалось на спрятавшуюся под ними семью. Тонкие палочки, скрученные из папиросной бумаги и плюющиеся оранжевыми искрами, выскочили из детских рук. Мио, утаскивающая за шкуру ещё одного ребёнка, обернулась и наострила уши.

– Ой.

Огонь сэнка ханаби зашипел, встретившись с окованной льдом землёй, но не потух и не взорвался, а перекинулся на уличные украшения, будто тоже от мононоке пытался убежать, как толкающие Кёко горожане.

Праздничные кадомацу по традиции плелись из сосны (чтобы в новом году крепким выдалось здоровье), из бамбука (чтобы стойким оставался дух) и веточек умэ (чтобы поскорее пришла весна и снег на дорогах долго не залёживался). Когда Кёко была маленькой, дедушка на них ещё мандариновую кожуру вязал и папоротник – для счастья и для плодovitости рода, надежды на которую, очевидно, до последнего не оставлял. Такие украшения венчали каждый вход, будь то храм, жилой дом или торговая лавка, – и потому насчитывалось их в городах всегда немерено. В Киото, втором по населённости городе всех восьми островов, их было и того больше. Пороховые искры попрыгали на них с папиросных палочек, как дети, и принялись резвиться, пока все украшения не стали такими же горячими и яркими.

Спустя минуту вся улица польхала огнём.

– Любимый мой, любимый! – затащил нараспев мононоке.

Кёко как могла сбежать ему не давала, оттесняла дух всё ближе к огню, полосой протянувшегося между конюшней, откуда слышалось ржание запертых внутри лошадей, и столярной мастерской. Мононоке метался туда-сюда, но перескочить через огонь боялся, знал, что будет: пламя уже лизнуло пояс, и к запаху фейерверков с морозом и хвойными листьями примешалась гарь от тлеющего шёлка. Мио, благополучно выпроводив с улицы людей и убедившись, что никто не остался заложником горящих зданий, сторожила остальные возможные пути к отступлению.

Хотя, в отличие от неё, Кёко не была сверху донизу измазана в собственной крови, тело всё равно её подводило: уставшие от бега ноги подкашивались, дыхание сбилось, и в глазах начинало двоиться. Поэтому новый бой закончился быстро, почти сразу же, как мононоке,

вновь обожжённый разгулявшимися искрами пожара, взревел и в отчаянии обрушился на неё сверху. Тогда на долю секунды он явил лицо страшное и уродливое, совсем не похожее на лицо дочки ноканси. То, должно быть, был лик самой смерти от неразделённой любви: голод, которым все надевшие хаори девицы себя морили, отражался во впалых щеках; сладкие фантазии, которыми они бредили перед смертью, – в искривлённой линии губ; надежда – в глазах, завалявшихся в череп, и лихорадка, в которой они умирали, – на пергаментной коже.

Когда в Киото забили колокола, извещая о пожаре, Кёко всё-таки упала. Выронила меч, опёрлась на свои колени и наконец-то позволила себе перевести дыхание.

Благо её учитель уже был здесь.

– Любимый мой, любимый! – вскричал мононоке снова одним из девяти украденных голосов. Хаори всколыхнулось, пояс, развязавшийся в драке, затянулся потуже, будто дух прихорашивался, прежде чем повернуться к силуэту, перед которым расступился огонь, притоптанный высокими зимними гэта с металлическими зубцами. – Где же мой любимый? Ты ли это?

– Нет, не я, – ответил Странник, неся за спиной лакированный короб.

В небе над ним вырастали новые огненные хризантемы и пионы, а под ногами горела земля. Странник ступал по ней медленно, осторожно, неся с собой пронизывающий холод, которого зимой было так много, но здесь, в объятиях огня, уже почти проглотившего улицу, катастрофически не хватало. Пот на лице Кёко высох, и она вдруг заметила, что Странник, должно быть, бежал: его лоб блестел, щёки порозовели, под ухом расплелась коса. Взгляд нефритовых глаз, острый, как булавка, прицепился к Кёко, обшарил её с головы до ног и, убедившись, что она в порядке – настолько, насколько можно было быть в порядке, – вернулся к мононоке. Тот великого оммёдзи ничуть не утрашился, а, словно наоборот, был крайне им заинтересован. Нет, *очарован* под стать молодой девице. Хихикал – застенчиво так, будто на свидании, тайком сбежав из дома, – и прикрывал рукавом ставшее вновь невидимым лицо.

Их разговор тонул в грохоте фейерверков вдалеке и треске дерева в бушующем огне, но самое важное Кёко всё-таки услышала:

– Твой любимый никогда о тебе не знал, Эцуко Мэйрэки, дочь хатамото⁷, а ты не знала ничего о нём. Потому одержимыми и наивными были твои чувства, более того, только его хаори с узором из водяных мельниц ты и запомнила. И, несмотря на то, сколь мало о нём знала, всё равно умудрилась полюбить, хоть больше и не встречала никогда. Зачахла, лелея тёплое воспоминание, и душевная болезнь обернулась физической. Умерла, обняв хаори, которое родители, надеясь тебя утешить, сшили – один в один, каким ты его описывала. В этом одеянии тебя и похоронили, Эцуко, а любовь смешалась с жадной отместкой, ведь твой любимый так тебя и не нашёл, не чах, как ты. То злоба самой вещи, что за тем, как ты умираешь, наблюдала, и твоё страдание не позволили тебе уйти.

«Так это не просто цукумогами? – с ужасом осознала Кёко, таращась на силуэт, который теперь даже холодный ветер не трепал, словно хаори на мрамор натянули. – Это душа его хозяйки, слившаяся с ним. Неужто и такое бывает?»

Видимо, бывает на свете всякое. Сколько бы Кёко ни изгоняла мононоке – а ей на пару со Странником удалось повстречать ещё троих после дворца императрицы кошек, – они каждый раз находили, чем застать её врасплох и вызвать это скользкое, жуткое ощущение, стекающее за шиворот мурашками. Но вместе с ужасом Кёко испытывала жалость.

– Форма – цукумогами, – объявил Странник громко и спустил с плеч ремешки своего короба. Пламя позади него буянило сильнее прежнего, слышались людские крики с соседних улиц и кварталов. Должно быть, пламя уже пошло туда. – Первопричина – безответно влюблённая девушка, подхватившая любовную болезнь. Желание – найти любимого...

---

⁷ Хатамото – самурай в прямом подчинении сёгуната, часто подразумеваются высшие вассалы.

Едва он успел договорить, как крышка короба, окованная золотистым металлом, отворилась. Не дожидаясь, пока она откроется достаточно, чтобы Странник мог просунуть руку, чёрное хаори с вышитыми мельницами взвилось, вскрикнуло что-то неведомое, до Кёко долетевшее стоном, и бросилось вперёд. Но не на Странника и не на Кёко, инстинктивно выставившую перед собой руки, и даже не на Мио, снова пришедшую в движение и попытавшуюся его перехватить.

Хаори ринулось в зарево пожара.

– Стой! Ты погибнешь! – воскликнул Странник, но было слишком поздно.

Фейерверки в забелённом от снега небе горели ярко, но огонь, целиком поглотивший проклятое одеяние, надрывно плачущее и взмахнувшее напоследок чёрным рукавом, – ещё ярче⁸.

* * *

В лавке погребальных дел мастера пахло именно так, как и должно пахнуть в месте, где души окончательно оставляют свои бренные тела и переходят в мир иной. Благовония и смерть. Смесь кисло-сладкого гниения с солёной медью и зелёной периллой, растущей по углам, чтобы заваривать из неё чай скорбящим и прощающимся. Наверное, впервые в жизни ноканси пил этот отвар сам. Маленькими глоточками, потому что руки у него тряслись, пиала тоже дрожала, и чай расплёскивался. Постоянно приходилось подливать ещё. За те несколько часов, которые Кёко его не видела, ноканси словно постарел, пережитое горе изрезало его лицо морщинами вокруг тёмного родимого пятна в полщеки, которое когда-то и заклеямило его изгоем в родной деревне. Привыкший к нему и к дарованному им одиночеству, он потому и стал ноканси, ведь работа с мёртвыми – тоже неотвратимое одиночество. Тоже клеймо. Ибо всё, что кровь и смерть, – это *кэгарэ*⁹, а значит, скверна, нельзя касаться. Кагуя-химе рассказывала, что на острове, откуда она родом, ноканси даже отселяли на край деревни, и те не заводили ни жены, ни собственных детей – кто захочет тоже стать отмеченным?

В Киото, однако, всё обстояло иначе. Здесь, где людей умирало столько же, сколько рождалось, без ноканси было попросту не обойтись. Из-за предрассудков к нему относились насто-рожённо, но не чурались. Даже позволили поселиться под боком у чайного домика: внизу комнату для подготовки к погребению разместить, а наверху – жилое помещение. Кёко видела у него за шкафом несколько бутылок из дорогого тёмного стекла – наверное, с мирином¹⁰, – а значит, люди его благодарили. Или же так хорошо платили, что он сам себе мог такой напиток позволить. Да и домашнее убранство язык не поворачивался назвать скромным: несколько ширм с росписью бамбукового леса, книги в мягких обложках, пара икебан – наверное, дочка смастерила, – и каждая комната размером в шесть-семь татами. Даже там, где ноканси встретил их со Странником после изгнания мононоке, было просторно и светло. Лишь запах напоминал, где они, и лежащая под покрывалом болезненного вида девчушка, до сих пор не пришедшая в себя.

– Правильно в моём родном селении говорили, – прошептал ноканси, и слова булькали на его губах от текущих слёз и чая, в пиалу с которым он, дрожа, уткнулся. – Я нечистый. И дело моё нечистое. Я для смерти родился, я смерти постоянно касаюсь, я её и несу. Жена моя была храброй, не побоялась со мною связаться, а зря – почил, едва дочке исполнился год. А

---

⁸ См. «Сказы» («Легенда о большом пожаре»).

⁹ Кэгарэ – понятие нечистоты, загрязнения, схожее с грехом (но происходящее не по вине человека, от кэгарэ можно очиститься).

¹⁰ Мирин – сладкое рисовое вино, часто используется как приправа к блюдам. Раньше также считался женским напитком.

теперь и она туда же, следом за матерью! И пятнадцать годков ещё не отпраздновала. Всё я виноват, моя то скверна на близких ползёт и душит их гадюкой ядовитой...

– Вздор, – резко высказался Странник. Кёко давно заметила, что ничего не злит его так, как несправедливость. – Смерть будет всегда, поэтому и должен быть кто-то, кого она считает другом. Если бы не ваша работа, город бы заполнили трупы и зловоние и началась бы страшная болезнь. Не грязным вас считать нужно, а святым. И дочка ваша скоро поправится. Потеря ки в результате одержимости – недуг излечимый. Сварите ей суп из водорослей, дайте поспать пару дней с грелкой у ног, и скоро снова составлять вам букеты начнёт, а потом вместо цветов женихи пойдут и предложения свадьбы. Так и будет, не сомневайтесь.

– А что с мононоке? – Ноканси всхлипнул и утёрся рукавом кимоно затёртого, серого цвета – всё лучшее хорошенькой чернявой дочке. Заметной перемены в его настроении после слов Странника не наблюдалось. Наверное, не очень-то верил в хороший исход. И хотя дочка его и впрямь выглядела как нежилец – прости, Идзанами! – но Кёко знала, что Странник не врёт. Просто не утешения были его работой – его работой было изгонять мононоке. – *Оно* ведь не вернётся больше, да?

– Никогда, – кивнул он и добавил тихо: – Это благодаря мононоке ваша дочь в живых осталась.

– Что? Как это? Он же сам в неё вселился, душу своровал...

– Мононоке сгорел в пожаре. Теперь я думаю, что, если бы упокоил его, как собирался, дочь бы ваша тоже умерла. Мононоке же захотел её отпустить, а единственный способ сделать это был уничтожить себя. Вот ещё одна причина, почему она обязательно поправится... Главное, пускай ест побольше супа.

Нет, всё-таки в утешениях он и впрямь был скверен.

На первом этаже звякнул колокольчик-фурин, знаменуя визит гостя. Кёко вздрогнула и ожила, почти прикорнувшая у восточной стены, куда веяло жаром ирори. Её зачарованное жёлтое кимоно уже высохло, а вот накидку, подбитую ватой, пришлось снять, насквозь промокшую, и зашить любезно предложенными ноканси иголками, пока ткань окончательно не расплзлась. Пустой желудок жаловался на отсутствие завтрака, который требовало подать уже наступившее за окном утро, но, учитывая обстоятельства, Кёко не смела упрекнуть ноканси в негостеприимности. Так, голодная и измотанная, но по крайней мере согретая, Кёко настолько разомлела, что Страннику пришлось несколько раз пихнуть её в бок, чтобы она наконец-то встала и направилась за ним к двери.

Их шестое за год расследование с успехом завершилось.

– Прошу меня простить, чуть не позабыл! Вот, возьмите, пожалуйста, в дорогу... Совсем никудышный из меня хозяин. В этой части города, да в такой сезон, работает всего один ноканси, и никого не волнует, что у меня у самого горе, работу несут, как по часам.

– Мы всё понимаем. У нас с ученицей плотный график, так что чем раньше выдвинемся, тем лучше.

Ноканси всучил Страннику в руки фурашики¹¹, настолько набитый едой, которую они с дочерью успели наготовить накануне к празднику, что тот едва завязался. Затем ноканси поклонился в пол, будто перед ним минимум даймё стояли, – благодарность спасённых людей всегда была для Кёко особенно приятна и заставляла с гордостью улыбаться, – и умчался в приёмную. Туда, минуя Странника с Кёко, по специальному коридору уже прошёл ранний клиент. Необычным запахом от него веяло, тоже смертью, но острой какой-то, совсем-совсем свежей, и Кёко порадовалась, что до сих пор не позавтракала. Странник покинул лавку первым, как только обулся на пороге, и Кёко, уже собираясь выйти за ним, вдруг опомнилась:

– Ой, накидка! Я сейчас!

---

¹¹ Фурашики – свёрток из квадратного отреза ткани, в который складывали вещи и носили, как узелок.

Фусума¹² захлопнулись, едва не прищемив Страннику его золочёный бант. Кёко же разулась и, пригнувшись, трусцой побежала до лестницы. Ноканси уже занимался клиентом – из-за сёдзи слышались низкие голоса, – и Кёко решила им не досаждать и воротиться за накидкой самой. Как-никак она не просто её купила, а из короба Странника вытащила! Единственное полезное среди того барахла, которое она вылавливала там еженедельно, надеясь, что однажды ей повезёт и, может быть, ей в руки даже попадёт новенькая рукоять для Кусанаги-но цуруги, как тогда, в первый раз. Это занятие очень походило на рыбалку – настоящая забава! Кёко предавалась ей перед сном по воскресеньям. Сначала отодвигала увесистую крышку на коробе и заглядывала с опаской внутрь, а уже потом лезла. Странник всегда курил в это время трубку и неизменно напоминал: «Раз в неделю. Можешь пытаться раз в неделю. Злоупотреблять нельзя».

И хотя Кёко правило не нарушала, ей всё равно казалось, что она чем-то да обидела короб.

«Не то, что ты хочешь, а то, что тебе нужно», – это Странник тоже повторял. Только почему Кёко однажды вытащила носки таби, когда у неё уже было четыре пары, он так и не ответил, как и на то, зачем ей банка заморских «пикулей», если она даже не знает, что это вообще такое.

– Самурай?

– Да, самый настоящий.

Кёко волей-неволей прислушалась, пока ступеньки ногами перебирала. Не шагала, а ползла, дабы ни одним скрипом, ни одним шорохом себя не выдать и разговору не помешать. Сначала поднялась наверх, в ту комнату, где дочь ноканси на ядтатами подле очага спала – «Кажется, румянца на щёчках прибавилось, дышит уже не так глубоко. Не соврал Странник, поправится!», – а затем обратно вниз, уже с утеплённой зимней накидкой в руках, почти сухой. Мало того, что это, считай, подарок, так подобный малиновый дамаст с характерным узором и подвязанными к рукавам помпонами стоил на рынке баснословно дорого. Плотный, добротный, в нём даже выюгу можно было пережить! Кёко вошла в него на ходу, а потом остановилась посреди лестницы и глянула вниз, в просветы между ступеней, из-под которых просачивалось эхо из приёмной.

– Надо же! Обычно подготовку берёт на себя сам господин, проводит её в своём замке, а гибнут они или от собственного меча¹³, или на поле боя. Никогда ещё не доводилось самурая к похоронам готовить...

Голос ноканси звучал несколько веселее, чем когда он их со Странником провожал. Видать, работа быстро в чувства его приводила – любимое, несмотря на все трудности, ремесло.

– Его и не к самим похоронам приготовить нужно, а, как бы это сказать... – отвечал второй голос. – Привести в достойный вид. Такой, чтобы можно было показать жене и детям.

– А что за рана? Это же...

– Да, да.

– Прямо как у тех, других!

– Их тоже ты к погребению готовил?

– Нет, не я, но слухи ходят. Кожи на руках почти не осталось... Что за бабы пошли! Нет, не бабы. Звери! Как кто-то вообще пронёс в Симабару клинок? Кухонным ножом такого не сделаешь...

Остальное Кёко слушать не стала – было неинтересно, на трупы и всякие ужасы она и так достаточно насмотрелась. Бытовые преступления всё равно были не по их со Странником

¹² Фусума – раздвижные двери, межкомнатные или ведущие наружу, разновидность сёдзи (перегородок и окон).

¹³ Подразумевается сэппуку или харакири, то есть ритуальное самоубийство, которое самурай совершает в случае вынесения ему смертного приговора, от позора или по другим причинам.

части. Так что сбежала она оттуда без сожалений, только мысленно пожелала ноканси всего хорошего и ловко скользнула в свои цурумаки¹⁴. Руки увязли в длинных, подбитых ватой рукавах, и Кёко нахохлилась вся, приготовившись к стуже, поджидающей её за порогом. Солнце на улице сияло, и в зрячем глазу зарябило от фарфорово-белого света, отражающегося от сугробов.

Несомненно, в Киото было столько же от Камиуры, сколько в Кёко – от Странника. То есть совершенно ничего общего, кроме определения «город». Местные поговаривали, что Киото и вполтину не такой большой, как столица, но в детских воспоминаниях Кёко столица, по крайней мере, казалась ей чем-то, что она может обойти (пускай и за недели) и измерить. Киото же напоминал нескончаемый лабиринт: непонятно, где ты уже был, а где нет. Узкие улицы душили друг друга, скученные постройки царапались графитово-синими крышами, и всё вокруг напоминало нагромождение пёстрых коробок и ящиков с рынка, заполненное людьми под стать муравейникам. Паланкины и рикши толкались, нанятые теми, у кого каким-то чудом ещё остались деньги после празднования Нового года. Кёко и сама была готова расщедриться из собственного кармана им со Странником на повозку, лишь бы поскорее очутиться в гостинице, где их уже ждала Мио и, что куда важнее, баня с мягким футоном.

Именно с этим своим предложением нанять паланкин Кёко и собиралась обратиться ко Страннику, ждавшему её на крыльце, но передумала, когда поняла, что они здесь не одни. Прямо напротив, на нижней ступеньке, перегораживая им спуск, стояла девочка.

– Ты в лавку ноканси? – спросила Кёко осторожно, стараясь не обращать внимания на скребущий по горлу дым – им всё ещё тянуло с соседних улиц. Пожар, должно быть, только-только затушили. Немного подгорели даже талисманы Странника, которые он развесил по всему кварталу, чтоб изолировать и поскорее остановить огонь. – Ноканси сейчас занят. Наверное, придётся подождать... В чайной за углом, если что, подают отменные пирожные!

Но эта маленькая девочка лет восьми-девяти, одетая как прислужница при благородном дворе – отбеленные льняные одежды, рисунки сосновых веток на них, тонкий поясок маки вместо широкого, – явно не интересовалась пирожными. Она осталась стоять на промёрзлой земле в сандалиях-дзори, столь опрометчиво надетых на босую ногу в такой сезон, и молча взирала на Кёко со Странником снизу вверх, как смотрят котята, чтобы их взяли на ручки. Личико маленькое, ручки тоже маленькие, глаза не просто голубые, а сизые – и смоляные волосы. Кёко таких сроду у людей не видела – необычное то для большинства жителей Идзанами сочетание. Кёко слышала, такое только у хафу¹⁵ бывает, но того, почему у девочки ещё и виски выбриты, это не объясняло. Слуга-то слуга, но чья и откуда? А главное, зачем она здесь?

Странник наверняка размышлял о том же, потому что и сам до сих пор молчал. Взгляд у девочки был решительным, но выражение лица ему противоречило – смущённое, неуверенное, с проблеском облегчения, когда Кёко вышла из-за спины Странника и наклонилась навстречу. Тогда она неприлично ткнула в Кёко пальцем – на пояс с беззвучными ныне бубенцами? Или на жёлтое кимоно? – и достала из рукава письмо.

– Это точно нам?

«Непохоже, чтобы она была из почтового отделения», – нахмурилась Кёко, но то, что девочка всучила Страннику в руки, действительно было искусно сложенным конвертом. Восковая печать, закупорившая его, тёмно-синяя и квадратная, прямо как та фамильная пластинка, которую Кёко прихватила из имения Хакуро и которую показывала время от времени на постах, доказывая, что она оммёдзи. Только в узоры этой вместо фамилии было вписано некое «*Бэнтэн*». Кёко только об одной Бэнтэн слышала – богине любви. Но к тому моменту,

---

¹⁴ Цурумаки – закрытая утеплённая обувь из кожи с мехом, похожая на сапоги, которую носят зимой.

¹⁵ Хафу – полукровка. Происходит от адаптированного английского слова «half», то есть «половина».

когда она вспомнила, кто и в каких случаях к ней взывает, девочки уже и след простыл. Даже отпечатков от дзори на снегу не осталось.

«Какая ловкая *камуро*, – подумалось Кёко, пока она искоса смотрела, как Странник прячет письмо себе в рукав. – *Прислужница куртизанки*».

* * *

Когда Ёримаса Хакуро отправлялся на очередной далёкий заказ, ради которого коня приходилось не только подковывать, но и даже менять в пути, то по возвращении Кёко обязательно спрашивала его, скучал ли он по дому. Тогда Ёримаса крепко задумывался, потирал подбородок шершавой рукой, издавая многозначительное мычание, и улыбался.

«Скучал, конечно, – отвечал он в конце концов. – Ведь знал, что дома меня ждёшь ты». И целовал её в лоб.

Теперь же они поменялись местами.

Иногда, не выдерживая тоски, Кёко перечитывала возле костра свои собственные письма – те из них, которые так и не решилась отправить, уж больно жуткие подробности в них были, – и обнимала Аояги. Пускай та чувства её разделить не могла – дерево есть дерево, что с него взять? – но порой гладила Кёко по спине утешительно, зная, что хозяйке именно это и нужно. В такие моменты Кёко не составляло труда представить, что над ней вновь раскачиваются розовые пушистые ветви и где-то на кухне Кагуя-химе настаивает и процеживает зелёный чай. Когда же приходило время снова открыть глаза и вспомнить, где она на самом деле, Кёко неизменно извинялась перед Аояги за свою слабость и заодно проверяла, как заживают борозды на её левой щеке, оставленные там вцепившимся в неё мононоке-дзикининки¹⁶, с которым они столкнулись в позапрошлом месяце. Несмотря на то что те всё-таки зажили, хоть и делали это непривычно долго, Кёко с тех пор старалась не брать Аояги на изгнания и ограничивалась поручениями в духе «купи-принеси-подай». А порой, съедаемая чувством вины, какую не было принято испытывать перед служебными духами, и вовсе освобождала от работы и брала её на себя.

– Я сама, Аояги. Иди лучше посмотри на мою накидку, а то знаешь же, как плохо я обращаюсь с иголкой. Проверь, хорошо ли я всё зашила и не пропустила ли где дыру.

Вот и сейчас Кёко мягко отвела её рукой от ирори, над которым висели два котелка: в одном подогревались угощения *ноканси*, а во втором закипел суп из водорослей, как тот, который Странник советовал ему сварить для дочери (и сам вообще-то любил). Аояги моргнула несколько раз из-под прядок тёмно-каштановой чёлки, кивнула и поднялась с колен, волоча за собой многослойный шлейф нежно-розового кимоно, похожий на длинный павлиний хвост. Похоже, им всё-таки удастся Новый год отметить: еды теперь, считая те закуски и десерты, что Аояги приготовила, пока Кёко со Странником не было, хватило бы на целый клан! Терпение Кёко с детства оттачивали уроками каллиграфии, заставляя выводить сгилы задубевшей рукой в неотопливаемой комнате, – часть воспитания будущих самураев, которую много веков назад позаимствовали оммёдзи, – но ничего не давалось ей сложнее, чем накрывать низенький стол и расставлять на нём тарелки, но при этом ни крошки не пробовать на зубок.

Она ждала, когда Странник вернётся из онсена, чтобы они могли отужинать вместе, а пока решила собрать еду той, для кого слово «вместе» звучало как заклятие на каком-то чужом языке. Даже накладывая в мисочку маринованный имбирь и ломтики тушёного карпа с рисом, Кёко ворчала под нос, будто приправляя своим недовольством еду, как перцем:

---

¹⁶ Дзикининки – существо (в данном случае мононоке, но также ёкай), которое питается плотью умерших.

– И зачем только императрица её с нами послала? Почему Странник не отказался? Разве носиться с оммёджи по всей Идзанами, спать на циновках вместо роскошного яэдатами и есть вместо красной рыбы горькую редьку для хранительницы Высочайшего ларца не то же самое, что понижение в должности? Или это наказание? Вот только кого Когохэйка Джун тем наказывает – Мио или же нас?

О мотивах императрицы кошек, решившей, что хорошая идея – послать кайбё в поход с теми, кого та однажды пыталась убить, – Кёко оставалось только догадываться. Как, впрочем, и о мотивах Странника, на это согласившегося... Кёко так и не поняла, то ли он слишком всепрощающий, то ли наивный, то ли скрывает от неё что-то. Тогда в лесу, наутро после того, как Кёко наконец-то узнала, кто он такой, он просто сказал ей: «Мио отныне – катарибэ¹⁷ её величества. Будет странствовать с нами и всё запоминать. Когохэйка Джун желает знать обо всех наших с тобою приключениях!»

Спустя время Кёко смирилась с тем, что в каждой складке её одежды теперь вечно да находится какой-нибудь клочок шерсти и что циновка её пахнет кошачьей мочой (хотя Мио и утверждала, что это сделали белки и она тут ни при чём). С чем Кёко смириться так и не смогла, так это с тем, что с появлением Мио она словно превратилась в ребёнка, а кошка – в её извечную няньку.

– Спасибо тебе за то, что ты сделала сегодня, – всё-таки сказала ей Кёко, как подобает человеку порядочному и благовоспитанному, прекрасно осознающему, что, не будь Мио рядом, она бы здесь уже не стояла. И всё же от ироничного комментария не удержалась: – Один раз ты меня на крышах чуть не убила, а один раз на них же спасла. Полагаю, теперь мы в расчёте.

Мио даже не повернулась.

То, что с ней что-то не так, Кёко заметила, ещё когда ставила возле её циновки поднос, на содержимое которого не поскупилась – от души наложила всего, что, глотая слюни, хотела бы отведать сама, – а Мио даже не шелохнулась. Лежала там же и так же, как в момент, когда Кёко и Странник только-только ввалились в номер гостиницы: за плотными ширмами, делившими одну комнату на две, где вторая половина, устеленная тряпьём, походила на лежанку. Мио свернулась в ней клубочком в два раза меньше, чем была тогда, во время драки с хаори, и на голос Кёко только повела чёрными ушами.

– Я не ради тебя это сделала, – ответила Мио немного погодя.

Кёко не стала спрашивать, ради кого же тогда, – только закатила глаза. Даже благодарность хранительница Высочайшего ларца и ту принять не могла нормально!

«Ну и пусть тут тогда одна лежит».

В конце концов, хоть Кёко и спала с Мио бок о бок вот уже полгода, общих тем для разговора у них от этого не прибавилось. Симпатии друг к другу – тоже. Так что Кёко оставила поднос и поднялась с колен, собираясь задвинуть ширму и снова отгородиться от Мио, пока Странник не пришёл и опять не начал чихать. Эта его пресловутая аллергия не терпела, когда он оставался с кошкой подолгу в замкнутом пространстве.

– Что с тобой? – выпалила вдруг Кёко и сама подивилась тому, что, во-первых, всё же спросила, а во-вторых – так испуганно прозвучала.

Осторожно перевернувшись на голос Кёко и запах еды, Мио издала низкое, несвойственное ей гудение. Лишь одно животное гудело так – нет, не дикое, не злое... *Раненое.*

– Тебе плохо?

Если случилось такое, что Кёко по какой-то причине пыталась к ней прикоснуться, то Мио каждый раз восклицала, будто правила императорского дворца ей зачитывала: «Я микусигэдоно-но бэтто, хранительница Высочайшего ларца! Не тр-рогать мои лапки, не тр-рогать!»

---

¹⁷ Катарибэ – профессиональные сказители, часто при благородных дворах.

Но на сей раз надменности не было – одно лишь шипение, какое издаёт самая обычная кошка, вовсе никакая не демоническая и уж тем более не императорская. Кёко так и не смогла к ней притронуться, отдернула руки от боков, странно выпирающих там, где они выпирать не должны.

– У тебя рёбра сломаны, Мио.

– И без тебя знаю.

– Почему сразу не сказала?! Неужели ты сломала их, когда...

«Когда мы падали. Чтобы не сломала я».

Полосы, оставшиеся от кошачьих когтей, под одеждой Кёко всё ещё горели. Но там могло болеть куда сильнее, если бы Мио не вцепилась в неё тогда и не кувыркнулась в воздухе, меняя их местами. Ведь окажись Кёко снизу, а не сверху... то сейчас, съёжившись клубочком, со сломанными рёбрами лежала бы она.

– У Странника всякое в коробе есть, – выдавила Кёко, чувствуя себя теперь ещё более обязанной, чем прежде. Не одним подносом с едой и благодарностью, а минимум целым месяцем регулярных завтраков, обедов и ужинов. – Мне редко когда путное удаётся оттуда вытащить, но несколько раз я вытаскивала обезболивающую мазь и...

– Я кайбё, – резко прервала её Мио, укладываясь обратно на циновку, и это был первый раз, когда она произнесла «кайбё» вслух, ещё и тоном, будто в чём-то призналась.

Противопоставить этому Кёко было нечего. Страдания Мио были тихими и ворчливыми, не такими, какими были бы у Кёко, напорись она тогда всё-таки на колья. Она утробно зарокотала о том, что ей в тарелку снова положили редис, который она терпеть не может. Надеюсь, что Мио поправится уже к утру (травмы делали её характер ещё невыносимее), Кёко задвинула ширму.

«У демона – демоническая суть...» – повторила она себе.

Но почему же тогда на душе так паршиво?

– Редиска, – продолжала бубнить Мио из-за ширмы. – Лучше бы окуня побольше положила, жадина!

Кёко вздохнула и подобрала из-под ног маринованный красный редис, который со стуком прикатился к ней через щель. Очевидно, не существовало такой боли, которую эта кошка не смогла бы преодолеть ради возможности набить желудок. Это раздражало, но не шло ни в какое сравнение с тем, какое бешенство у Кёко вызывала её неоправданная и ничем не объяснимая жертвенность.

– Почему она вечно это делает?!

Ширму хозяин гостиницы за лишнюю пару медных мон предоставил длинную и широкую, такую, чтобы она загоразивала Мио от стены до стены, от пола и до потолка. Так что Кёко могла не бояться, что та их подслушает – или, вернее, даст понять, что подслушивает, и встрянет в разговор. Когда Кёко оказалась на другой половине комнаты, ту уже заволокло паром. Пахло мылом, чистотой и довольным, мокрым Странником, наконец-то вернувшимся из онсена. Вместе с ним к Кёко вернулся аппетит, она сразу вспомнила, как сильно хотела есть до разговора с Мио, и быстро промчалась к чабудаю, чтобы снимать крышки с котелков и поскорее наложить себе полную тарелку. Аояги же расположилась в углу на своём спальном месте – Кёко не могла ей его не соорудить, даже если та не нуждалась в отдыхе, – и перебирала в пальцах нитку, распарывая неаккуратные стежки Кёко на её накидке и сшивая заново.

– Что-что говоришь? – Странник уселся за стол напротив Кёко, стащил с головы банное полотенце и бросил в предназначенную для того корзинку.

– Меня беспокоит наша хранительница. Слово «хранить» она, похоже, воспринимает буквально. Чего она привязалась ко мне? Сначала я решила, она просто ждёт, когда я умру – ну, знаешь, как ящерицы или вороны, чтобы съесть, – но потом она мне... *помогла*. Даже несколько раз. – Произносить слово «спасла» Кёко не стала, как и упоминать обстоятельства

этой «помощи». Не хотела, чтобы Странник ей теперь и такие простые задания, как за мононоке бегать, доверять перестал. – Я всё в толк не возьму, что с ней такое. Она что, выбрала меня своей новой хозяйкой?

Странник усмехнулся – даже ему эта идея казалась смешной – и разломил пополам одно-разовые деревянные палочки. Кёко тоже разломала свои, поскребла их друг о друга, чтобы снять с них занозы, и наконец-то схватила из общей тарелки покрытую панировочными сухарями сладкую картошку. Суп мисо так перегрелся на огне, что до сих пор дымился. Чёрные водоросли разбухли в терпком мутном бульоне, а крышечки, которыми прежде были накрыты миски, стали глянцевыми от испарины. Кёко была готова и её слизать, настолько урчало в животе. За столом её всегда учили выказывать скромность, есть маленькими кусочками и не налегать на мясные блюда, но Странник её прожорливость намеренно поощрял: постоянно подбрасывал ей в тарелку то лишний ломтик темпуры, то кусочек жирной говядины вагю. А иногда, наоборот, стремился съесть всё-всё самое вкусное из общих блюд первым, чтобы Кёко ничего не досталось. Тогда трапеза превращалась в битву, кусочки рыбы и креветки – в военные трофеи, а палочки – в мечи.

– Прошу, отдай мне морское ушко! Ты ведь всё равно вкуса не чувствуешь.

– Нет. Мне нравится, как оно хрустит.

– Морское ушко не хрустит, оно тянется и имеет очень нежную текстуру. Вот видишь, ты совсем его не ценишь! Отдай!

Он так и не отдал, но на дне миски, под овощами, чудом нашлось второе. Пока Кёко жевала и упивалась зреющим в ней перееданием, в ощущении которого и заключалась вся прелесть столь роскошных трапез, огонь в ирори успел догореть. Очевидно, он так спешил поесть, что после онсена толком не вытерся: на груди под растянутым воротом гостевой юкаты ещё блестели капли воды, а лазурно-синие рукава её впитали. Даже с чёлки, лежащей по бокам лица, до сих пор капало. Прежде Кёко гадала, меняется ли Странник с годами внешне, учитывая, что умереть не может, но в какой-то момент заметила, что теперь его бронзовая бусина уже не висит под ухом, а лежит почти что на плече...

«Не мешало бы подстричься», – подумала Кёко сначала о нём, а затем и о себе, вытянув из-за уха собственную отросшую прядь. Закинула в рот ещё немного риса, прожевала, проглотила и вернулась к беспокойству:

– Так что ты думаешь? О Мио.

– Я думаю, что нам повезло, что она с нами. Точнее, тебе.

– Что это ещё значит?

– Ты пока неопытна, а из меня не такой хороший учитель, каким бы я хотел себя считать. Когда ты несёшься напролом, должен быть кто-то, кто тебя остановит. Вот скажи мне, насколько невнимательной нужно быть, чтобы не заметить колья? – «Так он что, всё знает?!» – Я уже не говорю о том случае с дзикининки с его коллекцией кукол из мёртвых людей, когда ты перепутала заклятия и сковала амулетом себя вместо него. А что насчёт гнезда нурэ-онны¹⁸, в которое ты полезла, хотя я сказал тебе этого не делать? И что то наверняка обычный, наводящий на селение страх ёкай, а не мононоке. Чуть выводок её не растоптала! Всей кровью своей не расплатились бы, не подоспей Мио вовремя. Ей приходится быть твоей нянькой из-за твоего же безрассудства...

– Ой, смотри! Тут ещё одно морское ушко!

Кёко его специально в тарелку Страннику подкинула, лишь бы тот замолчал. Конечно, отдавать ему последнее лакомство особого желания не было – больше хотелось ощетиниться, надуться и спросить, на чьей Странник стороне и разве не помнит он, как они во дворце императрицы кошек едва не пошли на темпуру ради «задорного весёлого бунраку». Однако Кёко

¹⁸ Нурэ-онна – женщина-змея, как правило, обитает возле водоёмов.

хоть и позволяла себе с учителем многое, но не всё. Не признать, что он прав, она не смогла бы даже под угрозой лишения второго глаза. Действительно ведь часто поддавалась эмоциям и действовала импульсивно, а потому ошибалась.

Несколько раз Кёко косилась на ширму, прислушивалась к дребезжанию за ней мисок и болезненному гудению, но снова навестить Мио так и не решилась. Пообещала себе, что сделает это через пару часов, когда доест и всю пищу переварит, но в глубине души знала, что врёт. Если Мио была высокомерной, то Кёко – гордой. Не такой, чтобы разбивать камни твёрдым лбом, но такой, чтобы на кошку сверху вниз смотреть, даже если кошка могла вырасти до её роста.

«А ещё она написала на мой футон!»

– Хмм... – задумчиво изрёк Странник, заглянув себе под ворот кимоно. Кёко тут же перестала смаковать свою обиду и, сложив палочки у пустой миски, подняла глаза. Она уже знала, что Странник так на кумадори свой смотрит, оценивает изменения в нём, кои не скрывает больше, но соблазн отпустить какую-нибудь шутку всё равно оставался.

– Не засчиталось изгнание цукумогами? – спросила она серьёзно.

– Наоборот. Засчиталось. Оно и странно... Я ведь даже вещь из короба достать не успел. Мононоке сам в огонь кинулся – не упокоение, а самоубийство.

– Быть может, для мононоке оно упокоением и было, – предположила осторожно Кёко, пусть идея эта и откликнулась в ней такой невообразимой тоской, что непонятно, во что хотелось верить больше. – Пожертвовать собой, чтобы хоть одну девушку от себя же и спасти... Если твой кумадори всё-таки изменился, значит ли это, что Эцуко Мэйрэки переродится и однажды повстречает истинную, а не ложную любовь?

Странник пожал плечами. Лиловая линия на верхней губе и чёрточкой поперёк нижней за всю трапезу так ни разу и не сложились в привычную хитрую улыбку. Он доел, оставив ей лишнее морское ушко, прибрал за собой миски и разлёгся на дзабутоне. Под столом Странник вытянул голые ноги, и Кёко, смущённая, не знала, куда ей смотреть, а потому заняла себя тем, чтобы вновь раздуть в полу ирори. Вскоре запахло табаком, выгащенным из металлической коробочки-инро. Этот табак, нарезанный тоньше человеческого волоса, они купили позавчера на киотском рынке, где зарабатывали себе на гостиницу продажей новогодних подарков. Жаль, недолго – зимы в этом регионе Идзанами жуть какие кусачие! Так вгрызались, будто норовили выдрать из тебя кусок. Из-за того, как худо шло с торговлей, они не могли позволить себе в Киото больше семи ночей. И сейчас как раз зачиналась шестая.

«Киото – муравейник, – снова подумалось Кёко, пока она шевелила кочергой древесно-угольную пыль, смешанную с клеем фунори, чтобы не дымило. – Много людей – много несчастий... Значит, и много мононоке».

– А та девочка, – начала Кёко, – которая караулила нас у лавки ноканси и вручила письмо. Ты вышел раньше меня, долго она там стояла?

– Долго. – Послышался стук когтя по курительной трубке – Странник забивал внутрь пушистый комочек табака. – Сначала просто смотрела с конца улицы, потом перешла на крыльцо чайного дома... И только когда вышла ты – мужчин, видать, боится, – она вплотную приблизилась. Я-то сразу её заметил. Подумал, любопытствует, кто я такой, но, очевидно, она о чём-то другом размышляла. Интересное дитя.

– Настолько ли интересное, что мы туда пойдём?

– Куда? В Симабару? – уточнил Странник, и Кёко кивнула. – Нет.

– Но...

– Забыла, что мы вчера устроили? Нам лучше поскорее покинуть город, пока какой-нибудь досин¹⁹ не опросил очевидцев и, услышав про двух гуляющих в Новый год оммёдзи, не связал одно с другим.

– Но пожар же потушили!

– Ага. – Странник хмыкнул. – После того как он всего-то весь квартал спалил, превратив дюжину мастерских и чайных домов в труху. Тот, где лавка ноканси, я-то защитил, так огонь пошёл на север...

– А как же зеркальных дел мастер при храмовом комплексе Фусими Инари? А торговец сладостями у Сада камней? Они оба поручили нам свои заказы! Ждут небось и не дождутся...

– Первый жаловался на уродливое лицо, которое в отражениях по ночам возникает и на него пялится – то наверняка *унгайке*, разновидность цукумогами, «облачное зеркало». Второй же судачил о колодце и грохоте костей оттуда... Это, вероятнее всего, *киокоцу* – потревоженные останки кого-то, кого однажды в тот колодец скинули. Скорее всего, не мононоке, а призрак. Выясним, в чём точно дело, и разберёмся за несколько часов. А потом уйдём. Сразу же. Я так решил.

Кёко скусилась, разочарованная, но снова воодушевилась, когда Странник достал из вороха своих сложенных одежд письмо, а значит, всё-таки волей-неволей сомневался. Синяя восковая печать треснула, бумага, хоть и плотная, уже помялась. Каллиграфия на той была безупречной и изящной. Её штрихи Кёко всего минуту из-за плеча Странника рассматривала, пока они шли через Киото в гостиницу, но старые привычки было уже не искоренить – запомнила стихотворение слово в слово, так, что могла цитировать:

Место нашей встречи на берегу реки.
В тёмные я жду часы,
Чтобы обнять любимого.
Почему же тебя так долго нет?
Моя пылающая страсть жарче огня,
Варницы соляные – лишь отблеск моего томления²⁰.

«*Си-ма-ба-ра*», – повторила про себя Кёко, и почему-то в четырёх этих слогах поэзии ощущалось больше, чем в любых стихах. Приличным женщинам название весёлого квартала даже знать было не положено, не то что ведать, чем именно и кого он веселит. В Камиуре, городе храмов, ничего подобного не было и в зародыше, поэтому за развлечениями и удовольствиями все ездили в города покрупнее и подальше. Даже Ёримаса как-то под наваждением саке проговорился Кёко, что по молодости ездил в столичный юаку²¹, где, как он выразился, «чуть не присягнул на верность новым божествам». Конечно, юаку не только продажной любовью славились – шумные идзакая, театры, чайные дома с азартными играми там тоже были, – но мужчины никогда бы добровольно не стали ходить туда, где нет красивых женщин.

Кёко, впрочем, будь хоть четырежды мужчиной, никогда бы не прельстилась подобным местом. Другое дело тем, что могло там тайно и зловеще обитать...

– Что, если в Симабаре завёлся мононоке? И он действительно опасен, – протянула она, напрочь забыв о том, что вообще-то собиралась в онсен, дабы едкую гарь от фейерверков и огня с себя смыть, и что Аояги уже сложила для неё у входа банное полотенце. – Когда я забирала накидку, то слышала, как ноканси труп самурая обсудал. Сказал, у него какие-то подо-

---

¹⁹ Досин – самурай низшего ранга на службе городских префектур, выполняющий функции полицейского.

²⁰ Знаменитое любовное стихотворение «Конухито-о мацуо-но ура-но юнаги-ни якуя моси-о номи-о когасицуцу» в переводе Ф. В. Дикинс.

²¹ Юаку – одно из обозначений кварталов удовольствий.

зрительные травмы... И принесли его из Симабары, да не впервые там такое происходит. На проделки хатамото-якко не похоже, – сразу оговорилась Кёко. – Оружие в весёлых кварталах под запретом, у ворот сдаётся, так? Да и откуда у женщины такая сила...

– Не столь уж и редкий случай, – всё равно возразил Странник, и под потолком заплёлся горький дым, который он выдохнул, зажав между зубами подождённую кисэру. – О таком обычно просто не говорят, чтобы клиентов не спугнуть. Чаще, конечно, женщины, до оружия добравшись, не их убивают, а самих себя... Настолько тяжка их доля.

– Но кто-то из Симабары ведь захотел, чтобы к ним пришли оммёдзи! Иначе зачем письмо такое вручать? Это похоже на загадку, зов. К тому же только там я ещё не спрашивала, как мне Кусанаги-но цуруги починить... Вдруг найдётся кто-нибудь, кто знает...

– Где? – Странник поперхнулся. – В борделе? Ты настолько уже отчаялась?
«Скорее, замучалась не спать каждую девятую ночь», – подумала Кёко.

Последняя девятая ночь только недавно миновала, ещё пять дней до неё оставалось, так что раньше времени вспоминать о том не хотелось. Ко всем таким ночам Кёко старалась относиться как к тренировкам: пусть оттачивала она и не мастерство изгнания – коль с духами этими было ничего серьёзного не поделаться без знания их Формы, Желания и Первопричины, – но всяко стала лучше управляться с мечом и талисманами. Странник каждый раз перед тем, как мононоке прогнать, давал Кёко возможность сначала с ним подраться. И, конечно, никогда не спускал с них глаз: всегда садился куда-нибудь поодаль на пару с Мио и ждал нужного момента. Кёко была готова поклясться, что они каждый раз делают ставки, сколько она продержится, прежде чем упадёт на колени и Страннику придётся достать талисман.

Самым сложным в этом было вовсе не уворачиваться от ядовитых жал или клешней и выстоять один на один с мстительным духом хотя бы несколько минут. Самым сложным было не думать, что по твоей вине освобождаются те, кого на протяжении веков пленили твои предки, жертвуя кровью физической и кровью духовной, а иногда даже жизнью.

«Однажды я почию меч, а потом вернусь домой и найду в летописях тех, кого преследовали выпущенные мною духи, и непременно опять их изгоню», – так Кёко твердила своей совести, но конкретных сроков теперь не называла – лишь эфемерное «однажды». Многое изменилось там, на лесном привале неподалёку от кошачьего дворца, на котором Кёко заночевала со Странником, а проснулась и продолжила путь уже с Диким лисом. Её желания всегда были амбициозны, но теперь она стремилась к гораздо более грандиозным вещам, которые и от её семьи, и от целей оставались очень, *очень* далеки.

«Желаю увидеть, как узоры на его теле и лице изменятся опять».

«Желаю снять с него проклятие, чтобы он избавился от всяких тяжб и изгонял мононоке только потому, что хочет, а не потому, что то его работа».

«Желаю не просто превзойти, а чтоб он остался мне вовеки должен».

«Желаю ему *помочь* и упокоить для него последние *двадцать* мононоке».

Кёко никогда не забудет, каким цельным, гладким и безупречным выглядел Кусанаги-но цуруги в её руках, когда она провела первое в своей жизни упокоение в замке даймё и вытащила его из ножен... Но то, каким целостным начинал выглядеть Странник – как расправлял плечи, как вытирал слёзы, отправив в новую жизнь очередную душу, и как непривычно, совсем не хитро улыбался, – она тоже никак не могла выкинуть из головы. Этот вид нравился ей даже больше фамильного блестящего меча.

«Моё упокоение... Моя кагура, – поняла Кёко ещё давно. – Возможно, именно в них ключ к починке Кусанаги-но цуруги. И если мне нужно пойти против воли учителя, провести тысячу упокоений самостоятельно и истратить всё моё ки, дабы восстановить меч, то так тому и быть. Но... *Не сейчас*. Попозже».

– Ты правда хочешь отправиться в Симабару? – спросил Странник, выпуская в потолок колечки дыма, отливающего серебром. Всё это время они думали каждый о своём, пока снова не встретились взглядами.

– Будет невежливо не ответить на приглашение...

Он одинаково любил что удивлять её, что разочаровывать, поэтому не заставил себя ждать:

– Камуро не нас конкретно пригласила, Кёко, а кого-то. То письмо так и называется – «*когаруру кими-э*» – «Моему любимому принцу», – начал он поучительным тоном, каким рассказывал ей о практиках оммёдо, но никак не о домах для удовольствий. Разложил конверт на чабудае и провёл длинным графитовым когтем по загадочной надписи в конце письма: «*Вы знаете от кого*». – Это примета такая, считай реклама. Обычно юдзё²² сама идёт на перекрёсток и оставляет там конверт с интригующей подписью, которая будто бы именно тебе предназначена, но на деле же – кому угодно, перед кем она конверт обронит или кто его найдёт. Так они клиентов привлекают, заставляют их чувствовать себя особенными... Всем ведь приятно думать, что в них влюбились, лишь мимолётно на улице увидев, правда? Мужчины легко покупаются на это, и вот, смотри – в доме удовольствий новый гость!

– Откуда ты столько об этом знаешь? – сощурилась подозрительно Кёко, оглядела его с ног до головы так, будто пыталась прикинуть, мог ли достопочтенный, на всю страну известный, благородный и великий Странник действительно быть завсегдатаем подобных заведений.

«Вроде нет», – решила она, сложив руки на груди и немного поразмыслив, на что Странник многозначительно приподнял бровь, наверное, даже не ведая, что в её голове в этот момент творится и как внутри всё дёргается и скручивается от одного лишь «А если всё-таки...».

– Я бывал там пару раз, – ответил наконец-то Странник, оставив её с широко раскрытыми глазами, пока он не добавил: – Изгонял мононоке.

– А, – выдохнула Кёко, прикрыв глаза. – Тогда ладно.

– А ты что подумала?

– Да так...

И она поспешно отвернулась, вновь забормотав о горячей ванне.

– Нет. – В конце концов Кёко не вынесла, опять остановилась и, уже держа в руках юкату, решительно посмотрела на Странника. Он даже в кисэру свою крепче вцепился, наверное, решил, что Кёко сейчас отнимать её кинется. – Это письмо правда похоже на зов о помощи! И я уверена, что это он и есть. Его нам доставила камуро, а не юдзё, верно? Прямо в руки, не просто уронила! Она выглядела так, будто целенаправленно искала оммёдзи. Наш номер в гостинице всё равно до завтра оплачен, и Мио надо подлечиться, отдохнуть. Да и Фусими Инари, где зеркальных дел мастер ждёт, в той же стороне... Так почему бы по пути в Симабару не заглянуть? Хоть одним глазком! Представь, если там и вправду мононоке. Кучу времени и сил на поиск следующего сэкономим! Вот тебе и второй по величине город после столицы – столько расследований зараз!

– Ладно, ладно, настырная ты госпожа. Попытаюсь разузнать, – сдался Странник, и Кёко так восторжествовала, так обрадовалась, что чуть столик не перевернула, подползя к нему на коленях поближе и всю кланяясь. – Хватит, хватит! Я ничего тебе не обещаю! Сначала газеты и сплетни внимательно изучим, выясним, правда ли не первая то смерть, и если заметим след... Твоя взяла. Пойдём.

---

²² Юдзё – общее слово, означающее куртизанок различных рангов.

II

Едва перейдя через ров и ворота Симабары, Кёко мгновенно поняла, почему этот район прозвали *ханамати* – миром цветов и ив.

Хотелось бы ей по-прежнему верить, что это из-за дивной и пёстрой вейгеловой изгороди, какую высадили вдоль рва, отрезая район от остальной части города, как нечто тайное и запретное. Или из-за настоящих плакучих ив, склонивших облезшие по зиме ветви на бумажные зонтики, под которыми гуляли женщины. Нет, именно последние – женщины – и делали Симабару *ханамати*. Вдоль центральной улицы от киноварных домов, неуместно похожих на храмы, и до главных ворот Омон, за которые им было запрещено выходить, они украшали этот квартал и покорялись ему.

Ибо прекрасные цветы всегда заложники своего сада.

При виде них, этих женщин, возникало странное чувство, будто ты действительно в ухоженной богатой оранжерее и в то же время на рынке. Они расхаживали туда-сюда не как торговцы, а как товар. Товару же положено быть ярким и блестящим. Заколки из черепаших панцирей и кораллов образовывали вокруг голов светящийся ореол, отражая свет развешанных вдоль улиц красных фонарей. Бархатные подола кимоно с вышитыми на них волнами мерцали, облепленные снегом. Рукава у всех длинные, неподобренные, какие носят дамы незамужние, коим не надобно вести домашнее хозяйство; а банты оби мало того, что огромные и роскошные, из парчи или атласа, так и повязаны спереди, прямо на животе – подчеркнуть то, что хозяйки их о тяжелом труде и не слышали. Потому ручки у всех белые, чистые, в оби их и прячут, греют и тем самым становятся ещё больше на гладкие резные статуэтки похожими – загляденье!

Повстречай их Кёко где-нибудь в Саге или же в Камиуре, она бы и не отличила их от обычных избалованных аристократок (раньше, в эпоху Хэйан, банты спереди и у них были в моде). Но было достаточно посмотреть на их ноги, чтобы понять, кто есть кто: все юдзё – босые в зимнюю стужу, даже без носочков под гэта. И всё же вышагивали они гордо, будто совсем не мёрзли и пальцы их не синели от холода. Впереди девочки-служки бежали. Каждая несла перед собой бумажный фонарь с иероглифом-именем заведения, откуда служба пришла со своей госпожой и куда они обязаны до часа ночи вернуться.

Клиенты-мужчины при виде парадов, которые юдзё по традиции устраивали вдоль улиц по вечерам, застывали с раскрытыми ртами, а случайные гости, такие как Кёко, передёргивали плечами от ужаса. Только женщина могла понять, каково здесь другой женщине и что очарование и гордость их вымученные – лишь стремление превзойти других, чтобы выжить.

– Это всё наряды, – обронил вдруг Странник ни с того ни с сего, и у Кёко мурашки по спине побежали от испуга, настолько она засмотрелась на парад, что напрочь о нём забыла.

– О чём ты?

– О красоте здешних женщин. Большинство оказываются в юкаку потому, что их продали сюда собственные семьи, или же потому, что они были украдены в детстве. Всех ждёт смерть или от неправильного аборта, или от грязной болезни, если они не найдут способ выкупить себя. Такая судьба – сама по себе уродство, какая тут может быть красота? Оденься ты так же, но останься при этом свободной, то затмила бы их.

Кёко сомневалась, был ли то комплимент, а не обычный обмен знаниями, который Странник, как учитель, старался проводить регулярно. Но у неё всё равно загорелись уши, хотя и думала она тогда о другом.

«Он что, правда решил, будто я стою и сравниваю себя с женщинами юкаку?.. Неужели он считает меня такой жалкой?»

Странник только-только закончил демонстрировать страже на крепостной стене свой обманчиво пустой короб, в который прежде пришлось спрятать Кусанаги-но цуруги, дабы избе-

жать изъятия меча, и теперь стоял рядом, касаясь Кёко плечом. Ей тоже пришлось пройти досмотр и даже показать фамильную металлическую печать, чтобы снять с себя все подозрения, мол, свободная женщина – и в Симабаре! То был мир цветов, но срывать их могли исключительно мужчины – без весомой причины женщины сюда не допускались.

Благо вскоре ворота Омон остались позади вместе с прокатом тростниковых шляп амигаса для тех, кто берёт свою репутацию и предпочитал оставаться анонимным, спрятав лицо под низкими полями. Странник с Кёко влились в людской поток, среди которого узнавались как обычные ремесленники с торговцами, так и самураи – и поодиночке, и в качестве сопровождения для знатных молодых особ с горячей кровью. Кёко краем глаза наблюдала, как пряткие камуро в белых одеяниях останавливаются на порогах заведений, кланяются, пропуская первыми господ, а затем встряхивают фонарями, чтобы затушить фитили, и ныряют следом.

– Нам туда.

Кёко послушалась, повернула за Странником. Паланкины в юаку были под запретом, и без них улица ощущалась просторной, несмотря на количество людей. Странник держался степенно, и хотя Кёко не всегда понимала, что у него на уме, сейчас же угадывала безошибочно: ему тут не нравится. Не по себе, как зверю в клетке. Быть может, из-за рва, через который без лодок или моста не перебраться, из-за чего они здесь в ловушке; а быть может, из-за обилия украшений, от которых в глазах рябило. Если Кёко была очарована – непроизвольно, конечно, и только первые полчаса, потому что яркие краски всегда захватывают тех, кто их никогда не видел, – то он же едва сдерживался, чтобы не кривиться.

Очень быстро, впрочем, стала кривиться сама Кёко: обилие мужчин вокруг и полное отсутствие женщин, кроме тех, что принадлежали кварталу, заставляло всех коситься на неё. Кёко ненавязчиво скинула с одного плеча накидку, обнажая жёлтый цвет кимоно, а на середине улицы взяла Странника под локоть. Он ничего не сказал, но зашагал живее, разделяя её растущую усталость и желание скрыться. Кёко почти жалела, что всё это затеяла, уговорила Странника прийти сюда после того, как их помощь оказалась не нужна зеркальных дел мастеру – тому, оказывается, уже повстречался и помог другой оммёдзи.

«Надо было просто ко второму заказчику, торговцу сладостями у Сада камней, забежать и покинуть Киото...»

Бордели ничем в своём внешнем виде и архитектуре не выдавали, что они бордели. Разве что самые дешёвые и непристойные из них сохранили невысокие деревянные клетки на внутренних переулках, в которых ютились коси²³, выставляя себя напоказ. Кёко даже не сразу поняла, что то действительно женщины, а не собаки, и в отвращении отвернулась. Они со Странником спешно их миновали и вскоре оказались среди домов приличных, ничем не отличимых от изысканных чайных. На крыльце одного такого – трёхэтажного здания с волнистой кровлей, похожей на попугайчи перья, – они и углядели наружный фонарь с нужными иероглифами, раскачивающийся от стылого ветра.

«*Бэнтэн*».

Маленькая камуро в белых одеяниях с сизыми, как крыло зимородка, глазами уже ждала их там.

Прошло совсем немного лет с тех пор, как Кёко сама была ребёнком, поэтому она безошибочно узнала выражение детского восторга и облегчения, с которыми камуро, поклонившись им, отворила дверь, неся на сгибе локтя ещё один фонарь. С такой же прытью Кёко раньше встречала дедушкиных клиентов и провожала их до террасы под деревом хакуро. Однако, в отличие от Кёко, которая уже в детстве была болтливой и озорной, эта камуро не проронила ни слова, даже когда они поздоровались первыми. Она сопровождала их со Странником в полной тишине наверх, минуя оживлённые и завешанные бархатными шторами залы

²³ Коси (коси-дзёро) – «проститутка за решёткой», низшего ранга куртизанки.

с работницами и гостями. На ступеньках Кёко запуталась в полупрозрачных занавесках и едва не упала, а на втором этаже тихонько чихнула в рукав от запаха масел и тлеющих по углам благовоний. Обычно столько мирры раскуривали либо в храмах, чтобы отпугнуть зло, либо в больницах, чтобы отвадить болезнь. Что именно пытались выгнать из дома удовольствий, Кёко не знала, но догадывалась.

– Я же говорила! – прошептала она в острое и топорщащееся ухо Странника, шествующего немного впереди. – Нас с тобой ждали. Это точно он! Здесь...

– ...мононоке, – закончил он и даже не обернулся. – Наверх только не смотри. Призови Аояги и вели прикрывать наши спины.

Кёко нервно сглотнула и едва сдержалась, чтобы не задрать голову. Так всегда бывает: стоит только кому-то сказать тебе что-то не делать, как рефлекторно хочется сделать именно это. Кёко ненавязчиво поправила жёлтый рукав под тёплой накидкой, отвела руку за спину и вытряхнула оттуда ивовый лепесток. Тот сразу же раскрылся в стройную деву в многослойном косоде и засеменял следом за Кёко, как если бы их трое в «Бэнтэн» зашло и всегда трое же и было. Только камуро, оглянувшись, моргнула растерянно. Аояги осталась ждать у дверей, когда Кёко и Странник проскользнули в комнату, небольшую и интересно обставленную, оказавшуюся кабинетом.

Тогда же Кёко разуверилась в своей правоте. Если их и ждали, то явно не все.

– Кого ты привела, Аяха? Это что, оммёдзи?!

То, что на высокой подушке за письменным чабудаем сидела хозяйка заведения, Кёко даже не сомневалась. Она прежде не видела, чтобы женщины носили очки – им, обычно не утруждавшим себя скучными подсчётами средств при тусклых свечах, они были попросту не нужны. Но на остром лице хозяйки, неестественно белом от пудры, они, круглые, в черепаховой оправе, смотрелись весьма уместно. Правда, стёкла бликовали, из-за чего самих глаз было не разглядеть. Зато серебро прожитых лет переливалось в забранных в пучок волосах, словно в локоны вплели несколько мон. Пускай и сидела эта женщина в полосатом халате, в каком было неприлично показываться перед гостями, она даже не попыталась прикрыться и исправить это, переодеться где-нибудь за ширмой. Так и осталась на месте с кисточкой в костлявых пальцах, испачканных тушью, и лишь приподняла над оправой очков бровь.

– Добрый вечер. Госпожа Ёсино Харакава, верно? Моё имя Странник, а это моя ученица. Мы пришли, чтобы спасти вас.

Кёко и раньше знала, что Странник к любому человеку найдёт подход, но не ожидала, что он способен сделать это настолько быстро. Уже через две минуты они втроем сидели на мягких дзабутонах, а письменные принадлежности со стола сместил душистый липовый чай. Впрочем, вряд ли такое чудо сотворили его громкие слова – скорее, миловидный лик с мягким изгибом рта и зелёными глазами, на какой всегда покупались женщины, даже те, что в летах.

По правилам, все прислужницы садились рядом со своей госпожой, но эта же молчаливая камуро, их провожатая, уселась в углу с низко опущенной головой. Кёко невольно вспоминались Цумики с Сиори... Хотелось отогреть её заледеневшие до синих прожилок ноги, угостить горячим чаем, но дело слишком важное было, нельзя ударить в грязь лицом. То *заключение договора об изгнании*. В этот раз жертвы мононоке, вероятно, ещё даже не понимали, что они жертвы, а с такими обычно работать тяжелее всего.

– С чего вы решили, что я нуждаюсь в – как вы там выразились? – спасении? – предскажуемо поинтересовалась хозяйка.

Из-под халата выглянуло муслиновое нижнее одеяние, когда она поджигала лакированную трубку, почти такую же, как у Странника. Кёко в разговор не лезла – перед ней сидела женщина, что не воспринимала других женщин всерьёз, ибо привыкла обращаться с ними как с вещами. Худшее, что может быть на свете.

– Так посчитала моя ученица, и она не ошиблась, – ответил Странник, и Кёко подобралась. Обычно, когда он хвалил её или подтверждал её правоту, где-то в груди становилось тепло и приятно, как от глотка молока, но только не в стенах подобного места. – Я проверил и собрал доказательства. Надо заметить, на то у меня ушёл всего день, настолько много их было. Страшные убийства... Порезанные лица, срезанная кожа с рук... Целых пять одинаковых инцидентов за последний месяц, и все произошли в разных концах Симабары. Вернее, в разных концах были найдены их тела. Коробейник, каннуси, парочка аристократов, даже самурай с большим послужным списком... И все – какое совпадение! – были завсегдатаями дома «Бэнтэн» и посещали его накануне.

– Это ни о чём не говорит, киотские мужчины могут быть завсегдатаями сразу нескольких домов и менять их по настроению, – парировала хозяйка. Звучала она спокойно и уверенно, как будто действительно не оправдывалась. – В «Бэнтэн» правит богиня любви, а не смерти, мой дорогой. А там, где живёт любовь, уж точно никто не умирает.

– То есть они были ещё живы? Когда ваши гю²⁴ оттаскивали тела на закоулки, чтобы отвести подозрение от «Бэнтэн».

– Хм. – Хозяйка не опровергла это, но и не подтвердила. «Неужели правда?..» Она постучала по кисэру длинным ногтем, стряхнула пепел в кованный серебристый футляр такой искусной работы, что в нём впору драгоценности хранить, но никак не горелые табачные ошметки. – Никогда прежде не слышала, чтобы оммёдзи приходили в весёлый квартал только для того, чтобы предложить свои услуги.

– «Бэнтэн» – прославленное заведение. Многие путешественники добавляют в свой маршрут Киото лишь для того, чтобы посетить его. Разве не здесь проживает и работает легендарная *Такао-даю*?

– Всё верно, – кивнула гордо хозяйка. – Здесь.

– Тогда я тем более заинтересован в том, чтобы помочь.

– Надеетесь в обмен на помощь провести ночь с одной из трёх великих красавиц восьми островов?

– Ни в коем случае. Я не беру никакой платы за изгнание мононоке – ни материальной, ни тем более... плотской. К тому же я бы в принципе не хотел, чтобы со мной делили ложе за деньги, – произнёс Странник и покосился куда-то через плечо. – Это похоже на то, как если бы я занимался любовью со своим коробом. Разве не странно?

Кёко продолжала сидеть тихо, как мышка, но внутри горела. Возможно, ей бы не было так стыдно, если бы Странник с ходу не обозначил, что она его ученица. Когда твой учитель дурак, ты волей-неволей тоже начинаешь считаться дурочкой. Были, впрочем, и другие вещи, которые вызывали у Кёко жар. Например...

«Такао-даю?! Одна из великих таю Идзанами, которой даже несколько романов в розовых обложках посвятили! Женщина высочайшей красоты и высочайшего же ранга, каких всего с десятков на страну, не говоря уже о “великой тройке”. Но...»

«А с чего это Странник хочет ей помочь, действительно?!»

– Тогда почему вы хотите помочь? – К радости Кёко, хозяйка озадачилась тем же вопросом и опять закурила.

– Потому что таким женщинам, как Такао-даю или даже вы, госпожа Ёсино, никто никогда не помогает просто так. Хочу напомнить вам, каково это – чувствовать себя в безопасности, а не в долгу. Да и в любом случае изгонять мононоке – моя работа. А ещё...

– Ещё?

– Ещё вы ведь сами к нам обратились.

– Не припоминаю такого.

---

²⁴ Гю – мужчины – служащие публичных домов, часто выполняющие функции охраны или слуг.

– Ваше письмо «для принца». – Странник выложил его, изрядно потрёпанное, на стол возле своей пиалы.

– Как оно к вам попало?

Хозяйка со свистом набрала в лёгкие дым на первом слове, а на последнем – выпустила. Кёко же как вдохнула, так выдохнуть и забыла. Искося глянула на камуро, притаившуюся у сёдзи. Та не потупилась, не задрожала от услышанного, даже головы не вскинула и плечи не опустила – словом, ничем себя не выдала. И Кёко, ведомая какой-то неуместной жалостью и, может быть, тоской по младшим сёстрам, тоже решила её не выдавать.

– Молодая девушка передала, – выпалила Кёко вперёд Странника, и тогда хозяйка впервые посмотрела на неё. Очки ещё в начале беседы она сняла, поэтому Кёко хорошенько почувствовала ту длинную раскалённую иглу, которой взгляд чёрных раскосых глаз пронзил ей череп. – Мы не успели разглядеть лица. Только серое кимоно помню. – Кёко мельком бросила взгляд на белый наряд камуро. – С узором из лилий. Красным.

– Хм, хорошо, – протянула хозяйка, и напряжение спало. Но ненадолго: – Врать ты умеешь. Хранить секреты тоже. Значит, будем работать.

– Погодите. – Кёко бегло взглянула на Странника, который в ответ только хмыкнул, совершенно не удивлённый. Снова всё понял раньше её. – Так это вы послали к нам камуро с письмом или не вы? Молчите, хм. Значит, вы. Велели ей отыскать оммёджи?..

– А кто же ещё? Неужто правда решила, что это пустоголовое дитя, ещё даже взрослую причёску ни разу не плётшее²⁵, осмелится выкинуть что-то подобное за моей спиной? – Хозяйка откинулась на подушку и хохотнула неприлично громко. Затем дёрнула трубкой в сторону камуро, и та сжалась напуганно, как если бы ждала удара. – Это же ребёнок. Им подобает быть послушными, а не умными. В Симабаре, как я и говорила, оммёджи не появляются – не умеет развлекаться ваш народ. Так что пришлось отправить её в город под предлогом, что мы одной из наших девочек подыскиваем врача. Часто выходить нельзя, потому ей весь день и всю ночь пришлось провести в поисках. Запомни, милая. – Кёко захотелось скорчить уродливую гримасу только для того, чтобы навсегда отбить у этой женщины желание называть её «милой». – Я тётушка Ёсино. Я знаю обо всём, что происходит в Симабаре и тем более в моём собственном доме. Я даже знаю, что именно за мононоке повадился губить моих клиентов... Так что работа вам предстоит легчайшая – нужно просто изгнать его.

А вот это было уже что-то новенькое.

Кёко покосилась на Странника, но если он и был удивлён, то виду не подал: руки остались лежать на коленях, чай в пиале – стоять нетронутым. Кёко не могла такой же выдержкой похвастаться. Чтобы обычный человек, никакой и не оммёджи – куртизанка! – сам знал, что за зло по их души явилось... Нет, не так. Чтобы человек в этом *сознался*, не пытаясь схоронить вину и стыд! Немыслимо так же, как существование разумных мононоке вроде Наны или Рен.

«Значит, всё-таки бывает».

– Я вам расскажу, – подтвердила хозяйка, морщины сложились над уголками её губ в гусиные лапки, когда она произнесла без всяких прелюдий: – Мононоке – бывшая служанка моей прекрасной таю, о которой, как я понимаю, вы уже наслышаны. Такао сама её выбрала, вернее, подобрала с улицы ещё девочкой, как блохастого котёнка, когда та помирала с голоду зимой, подобной этой. Служанкам пристало к своей куртизанке «старшая сестра» обращаться, но девчонка звала её так от сердца, обещала всю жизнь ей часть своего заработка отдавать, когда станет совершеннолетней. Ох, как полюбились они друг другу! Одинаково красивы обе были... Но неодинаково умны. Умный не станет кусать руку, которая кормит, а девчонка укусила. Повадилась клиентов Такао уводить, хотя мастерству ещё не была обучена. Из-

---

²⁵ Девочки по достижении разных возрастов меняют причёски. Так, по традиции юкаку, причёски местных обитательниц делятся на «детские» (для камуро) и «взрослые» (те, которые носят куртизанки).

за этого Такао потеряла спонсора, который обещал её выкупить, и тогда она со злости выбросила служанку обратно на улицу, где та насмерть и замёрзла. Декабрь-то в этом году, что и январь, зверский!

Странник нахмурился, а Кёко стала мысленно перелистывать газеты, листовки и дощечки, которые он собрал за день и в которых первое убийство в начале декабря как раз и значилось.

– Вы уверены в том, что говорите? – спросил он. – Из ваших слов получается, что мононоке не весь «Бэнтэн» мучает, а лишь одну Такао.

– Так и есть. Все пятеро покойных клиентов именно к ней ходили, а тот самурай так вообще был по уши влюблён уже много лет. Само собой, он тоже был одним из спонсоров.

Странник не стал спешить с ответом, наконец-то взялся за свою пиалу с чаем и сделал большой глоток. Кёко последовала его примеру: пить после прогулки хотелось очень, мороз расцарапал ей всё горло. Выманить мстительного духа и провести ритуал изгнания, уже располагая столь ценной информацией, должно быть проще, чем разрезать дайфуку пополам... Хоть и Кёко любила долгие и мучительные расследования, потому что они затачивали разум, как клинок, но сейчас обрадовалась. В «Бэнтэн» Кёко не хотелось находиться ни одной лишней минуты.

В юкаку красные тона преобладали что снаружи зданий, что внутри. Пёстрые шелка и шторы с причудливым орнаментом, избыток позолоты и росписи на стенах будто нарочно высмеивали классические чайные. Хотя в заведениях столь высокого класса не должно быть проблем с шумоизоляцией и уединением, Кёко была готова поклясться, что откуда-то доносятся звуки, которые она не хотела бы слышать. Запахи, которые маскировались под специфические ноты благовоний, тоже были не очень приятными. *Человеческими*. Даже неискушённому уму они навевали мысли о потной коже, мужчинах, саке и всяких таких занятиях, натуралистические гравюры с которыми висели у хозяйки прямо над столом.

Кёко постаралась туда не смотреть. Внутри она могла позволить себе ужасаться и гореть, да, но её белые щёки не имели права краснеть в такой ответственный момент.

«Поскорее бы уйти, поскорее бы уйти...»

– Это чудесно, что вы так подготовились к нашему приходу и уже выяснили историю мононоке, – произнёс Странник. – Но нам с ученицами всё равно придётся задержаться в «Бэнтэн» на несколько дней, возможно, даже на неделю.

Хорошо, что Кёко уже допила чай и поставила пиалу, потому что ещё более неловким, чем краснеть, было бы выплюнуть его на хозяйку.

«Ну нет!»

– Зачем? – Тётушка Ёсино, как она себя назвала, резко ошетичилась, и Кёко узрела разницу между её притворным негодованием и настоящим. Она даже трубку изо рта вытащила. – Первопричина, Желание и... как оно там... Форма! Может быть, я с такими, как вы, и не встречалась, но многое о вас слышала. Эти три компонента вам нужно знать о мононоке, чтобы выгнать его, верно? Первопричина – зависть служанки моей Такао. Желание – занять её место. А Форма... *Ноппэрапон!* Безликий. Я лично видела. Такао моя – вспыльчивая особа, в случившемся и вправду есть её вина. Она мало того, что служанку выгнала, так ещё и полоснула её ножницами по лицу пару-тройку раз... Видимо, оттого, что у мононоке нет глаз, он у других лица забирает. Я клянусь, всё так! Когда вы его призовёте, то быстро убедитесь, что не вру. Это можно совместить с ритуалом изгнания и тем самым управиться за один день... Разве нет?

– При всём уважении, – ответил Странник. – Неверно определённые компоненты духа, будь то Форма, Желание или Первопричина, могут стоять оммёдзи жизни. Один раз я ошибся и потерял вкус на сорок лет. Ошибся во второй раз – и мои руки покрылись трещинами, как перезрелый плод. Даже если бы вы были экзорцистом и уверили меня, что проверили всё хотя бы единожды, я должен убедиться сам. Это не займёт много времени, обещаю.

– Если кто узнает, что я экзорцистов в «Бэнтэн» позвала, то люди поймут, что правдивы слухи, – понизила голос хозяйка, и вмиг стало понятно, отчего она так переживает за сроки расследования. Зубы её стукнули о трубку, когда она снова обхватила ту крашеными губами. – К нам ходить перестанут, понимаете?

– К вам перестанут ходить и в том случае, если мы не поможем вам в ближайшее же время. Мононоке продолжит убивать, а поиск других оммёджи займёт немало времени, раз столько занял в первый раз, – весомо заметил Странник, и от досады Ёсино так вгрызлась в трубку, что чудо, как та не треснула. – Давайте сделаем вот так... Вы пригласили не экзорцистов, а всего-навсего дополнительных слуг.

– Что? – переспросила хозяйка.

– Что? – переспросила Кёко, повернувшись.

Странник улыбнулся, и Кёко это не понравилось. Обычно, когда договариваются об изгнании мононоке, не улыбаются.

– Вам не хватает рук из-за чрезмерного наплыва гостей в связи с Новым годом – те едут даже с другого конца страны ради вашего дома и его красавиц. Вот вы и приняли мудрое решение нанять новый персонал. Ваша таю нуждается в новой прислужнице, не так ли? Иначе, без хотя бы одной такой, какая она таю? Девочек маленьких всему обучать нужно, а вы женщина мудрая и занятая, вот и выкупили девчущку постарше у многодетной семьи, ту, что уже много лет хорошо управлялась с хозяйством. Как узнаете, что она обварила клиента горячим саке, так и выгоните её взащей. Откуда тут взяться слухам? Обычная то ситуация для дома удовольствий.

Кёко не сразу поняла, что всё то время, что Странник говорил о служанке, он говорил о ней. Она моргнула дважды, а затем ещё несколько раз тряхнула головой, но в уши словно затекла вода. Кёко даже толком не расслышала, что Странник говорил о самом себе и своём в «Бэнтэн» присутствии (что-то вроде «Обсудим позже, госпожа» и «Есть у меня несколько идей, одна из них точно придётся вам по нраву...»). Их спор и попытки развеять скептицизм Ёсино длились несколько минут, пока не закончились тем, чем подобные споры заканчивались всегда.

Странник никогда не проигрывал.

– Так и быть, – изрекла хозяйка и смерила Кёко пронзительным взглядом, от которого у неё волосы на шее зашевелились. – На роль юдзё всё равно не пойдёт, клиенты глаза побоятся, решат, что это из-за сифилиса. Сколько тебе лет?

– Две недели назад исполнилось восемнадцать, – ответила Кёко, чудом не запнувшись.

– Пятнадцать, – сказала хозяйка твёрдо, как будто знала лучше. – Теперь тебе пятнадцать, и ты *синдзо*²⁶.

Кёко кивнула послушно, хотя всё внутри её свербело от несправедливости, заставляя метать в невозмутимого Странника взгляды острые, как ножи. Благо настоящий контракт не подписал, а то, может, и на это бы пошёл для большей достоверности! Раз даже согласился со словами хозяйки, когда та предупредила:

– Только учтите, никаких поблажек не будет. Коль я беру работников в дом, то они и должны работать. Никакой халтуры! Они обязаны беречь честь моего дома так же, как своего собственного. Никто не должен знать, что вы оммёджи.

– Да будет так, госпожа. Но вам самой же следует учесть, что в таком случае и другим работницам рассказывать не стоит, кто мы такие. Всем так спокойнее будет и точно лишних слухов удастся избежать.

Хозяйка кивнула сдержанно, а вот Кёко сделалось дурно. Возмущение – Странник принимает столь поспешные решения, даже с ней не посоветовавшись! – затянулось в ней узлом.

²⁶ Синдзо – старшая служанка, следующая ступень после камуро и предшествующая становлению куртизанкой.

Однако развязать его возможность выпала очень быстро: сразу после этого разговора они покинули кабинет Ёсино и, чтобы переговорить наедине, спрятались за бамбуковой ширмой с рисунком таким же непотребным, как и всё в этом доме. Маленькой камуро было велено переодеть Кёко в наряд синдзо и всё здесь ей показать. Поэтому она тихонечко ждала Кёко у лестницы в конце коридора. Даже фонари в «Бэнтэн» излучали свет розоватый и зернистый, как перетёртая с сахаром смородина.

– Разве не нужно сначала спросить разрешения, когда хочешь сдать кого-то в бордель?! – зашипела Кёко. – Да, это я настояла на том, чтобы за дело в Симабаре взяться, но «взяться» не предполагало оставаться тут жить! Мы должны были сначала выйти и обсудить это... Верно я говорю, Аояги?

– Ива. Ива.

Аояги, стоящая сбоку от ширмы, как её продолжение – такое же безучастное и неподвижное, – как всегда, была не очень экспрессивна. Кёко решила расценить её ответ как поддержку.

«Кагуя-химе, если однажды прознает, заставит проходить охараи²⁷ от заката до рассвета», – поёжилась Кёко, но тут же решила, что это не такой уж плохой вариант. Она и сама с радостью пойдёт чиститься, как только они закончат дела в Симабаре и покинут квартал. Кёко даже решила ни к чему здесь лишний раз не прикасаться, чтоб не множить в себе кэгарэ – нечистоту: нечаянно тронула бумагу ширмы с рисунком, выглядывая из-за неё на терпеливо ожидающую камуро, и тут же одёрнулась.

Странник усмехнулся.

– Знаешь, почему мужчинам нравятся подобные места? – спросил он, и Кёко скривилась, всем своим видом показывая, что нет, она не знает и не очень-то хочет это исправлять. – Потому что здесь их любят. По крайней мере, они хотят в это верить. Таю – единственные женщины в Симабаре, которые имеют право отказать мужчине, если не хотят его или даже если просто не в настроении... А перед тем, как ты получишь возможность услышать от таю «Да» или «Нет», ты должен провести с ней минимум три встречи в чайном доме – и всё очень дорого покрыть. Именно поэтому мужчины из кожи вон лезут, чтобы завоевать её расположение. Как ты думаешь, станет ли мужчина, с трудом заслуживший внимание великой красавицы, которой добиваются сотни, а то и тысячи, менять на какую-то служанку? Страшно представить, сколько саке нужно выпить, чтобы так отупеть!

Несколько прядок вились вокруг лица Странника от влажной зимы, какая стояла в этих краях, облачный узор на воротнике и поясе напоминал при таком освещении порывы метели, которая подвывала за окном. На Кёко этот узор будто бы дыхнул – и она погасла, как спичка, вместе со своей злостью.

– Хочешь сказать, хозяйка ошибается насчёт того, кем является мононоке?

– Не ошибается, – ответил Странник. – А врёт.

– Но... почему?

– Потому что люди есть люди.

– Не замечала раньше, чтобы за тобой водилось такое предвзятое к ним отношение. Я, к твоему сведению, вообще-то тоже человек.

Странник щёлкнул языком и на секунду прикрыл глаза. Кёко не поняла, что означает этот жест – усталость или раздражение.

– За все годы, что я изгоняю мононоке, я не встретил ни одного человека, который сразу рассказал бы мне, почему его преследует злой дух. То ведь не обычная обида, какая возникает, когда женскую пудреницу разобьёшь или окажешься застигнут с любовницей в постели... Это всегда отчаяние, такое, что лишь ненависть дарит облегчение, и даже смерти мало. Мононоке

---

²⁷ Охараи – обряд очищения от скверны.

появляются из трагедии, Кёко, а ни один человек не станет рассказывать незнакомцу о трагедии, в которой виноват.

Кёко поджала губы. Хоть ей и хотелось верить, что в этот раз всё будет просто, опыт оммёдзи, пусть и невеликий, подсказывал, что Странник прав. Даже то, что хозяйка «Бэнтэн» – самый заинтересованный в изгнании мононоке человек, и то, что рассказ её звучал правдиво, вовсе не означало, что всё так и есть. Нужно относиться к своей жизни как к одному жалкому медному мону, чтобы проводить ритуал изгнания, основываясь на чужих словах.

Со страдальческим вздохом Кёко всё же посмотрела на шёлковую ширму и сосредоточила взгляд на картинке, вышитой в таких подробностях, что не оставалось никакого простора для фантазии. Кёко буквально заставила себя несколько секунд рассматривать голые тела в позах, что напоминали сцены изощрённых убийств. Так она готовилась к тому, что в ближайшие дни ей придётся смотреть на них в большом количестве.

– Отдашь мне Кусанаги-но цуруги?

– Не стоит. В Симабаре оружие запрещено: увидят у тебя меч, пусть и сломанный, – в лучшем случае выпорют, будь ты хоть десять раз оммёдзи. В моём коробе ему сейчас безопаснее. Как во дворце императрицы кошек, помнишь?

«Где ты фактически с другими ёкаями сговорился и мне ничего не сказал, а потом выпустил на волю сразу четырёх злых духов!» – хотелось напомнить Кёко, ибо идея расставаться со сломанным мечом ей не нравилась, но и таскать оружие с собой, будучи синдзо, тоже было скверно.

– А талисманов нам точно хватит? – продолжила переживать она и незаметно пощупала офуда под своим поясом, те штук двадцать на разные случаи, что она везде носила. – Нужно было по пути в Симабару в храм зайти, ещё попросить! Особых-то Нана вон сколько дала, но, например, печать «Открыть»... Или печать «Замри», которая мне лучше всех даётся... Или «Сновидение»...

– Я схожу, принесу. Не знаю, заметила ли ты, но прямо между «Бэнтэн» и лавкой с афро-дизиаками стоит кумирня, может быть, поблизости отыщется каннуси, который согласится быстро изготовить немного талисманов про запас. В крайнем случае в город выйду и зайду обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.